

18+

Дмитрий Александрович
Куприянов

ДРЁМА

Дхарма Ерёмы

Дмитрий Куприянов
Дрёма. Дхарма Ерёмы

«Издательские решения»

Куприянов Д. А.

Дрёма. Дхарма Ерёмы / Д. А. Куприянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674227-7

Сказ про иссебятину — про поиск себя и истины. Про поиск счастья, свободы, мудрости. Сомнительные диалоги несуществующих персонажей. Читай, вниматель, да тщательно обдрёмывай. Но на поводу не иди! Будь сам себе...
#юморподхарме #дхармаерёмы

ISBN 978-5-00-674227-7

© Куприянов Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Йо-Ванько Дринкпоче	7
Яги Кхандро	8
Цеванг Кошей	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дрёма Дхарма Ерёмы

Дмитрий Александрович Куприянов

© Дмитрий Александрович Куприянов, 2025

ISBN 978-5-0067-4227-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Возникла идея написать несколько смешных историй с намёком на что-то толковое про осознанность и прочие этакие практики. Не обманывайся намёками этими, это уловка, завлекающая тебя незнамо куда. Но для видимости и конспирации поставь где-нибудь лайк, оформи куда-нить подписку, отправь донат, позвони в колокольчик, уйди в ретрит.

Для понимания некоторых слов, имён и оборотов нужно быть в курсе некоторого курса или даже понимать контекст – что не всем дадено. Но да жужл тебе в помощь, а также ясьень и прочие источники знания. Впрочем, забей – жмякай лайк и переходи в следующий канал или к следующей книжке.

Итак. Весь цикл называется...

Дхарма Ерёмы. Или сокращенно – Дрёма.

Йо-Ванько Дринкпоче

О, читающий вниматель! Предлагаю вниманию твоему несколько очерков о Ерёме Ясно-свете, ищущем себя и истину. Истину в себе или себя в истине. Себистину. Иссебятину. В общем, ищущий. А искать истину, а уж и подавно себя, принято где угодно, но не там, где ты уже есть. Так только крутые, в смысле – спелые, мастера могут, а незрелые искатели идут, куда подальше к ногам великих гур и гурий, и там уже ищут. И находят – и гур, и себя (себя реже, однако, что неудивительно – себя-то меньше на свете штук, чем гур). Потому как на просторах необъятной земли нашей мастеров-то видимо невидимо. Видимо, да невидимо. Невидимо, видимо. Но находимо. Всё, как положено, стало быть.

В общем, собрался Ерёма в путь неблизкий, опасностей да сумасбродств полный. И хотя старый юродивый йогин дед Иван, которого местные коротко, но с почтением называли Йо-Ванько Дринкпоче, вечно сидящий на лавочке у двора, от всей необнаруженной души рекомендовал Ясику просто отсебаться и остаться дома на своём месте, Яснопень был настроен решительно и наставлениям местного нгапты не внял. Оно и не мудрено – «отсебаться» на языке тайного учения означает «отстать от себя, остаться в окончательном тотальном не-поиске». Такое наставление неокрепший в садхане парень не то что исполнить, но и распознать как сущностную упадешу (то бишь наставление), умещенную в одном слове, не смог бы при всём желании. Чтоб понять такое, не от одного мастера да по всем правилам надо получить люлей знатных (это такие особые посвящения, необходимые тем, у кого способности попроще) и балабольствий (развернутые наставления по практике, как правило, не имеющей отношения к делу, но дающей разгон ума да событий в нужную сторону). В общем, не сложилось пока у Ерёмы, зато путь начался. И мы горевать не будем – герою сложнее, читателю интереснее.

Вот и подошел незаметно да быстро к концу сказ о первой встрече. И хоть найти ничего у Ерёмушки пока не вышло, но читатель, внявший наставленьицу Йо-Ванько Дринкпоче, может оное уже и применить. Или не может, а значит – за люлями да балабольствами вслед за Яснохреном отправляется. Тут жизнь-то никогошеньки не обидит.

Продолжение воспоследует. Коли не пересохнут чернила да нейромедиаторы.

#дрёма #дхармаерёмы #отсебаться

Яги Кхандро

Долго ль, коротко ли бродил в поисках знания наш молодец, да подсказали ему добры языки, что в двенадцатидевятом царстве есть мастеров несколько – реализованных по самое не балуйся.

Отправился Ерёмка туда. И первой в списке его оказалась старая затворница. Некоторые ее дакиней называли, некоторые (которые с нечистым видением) – некиней. Среди своих же известна она была как Яги Кхандро.

Пройдя через леса, морошкой вкусной да медведями мохнатыми полные, добрался Ясносон до опушки, с описанием да картами совпадающей. На опушке увидел он избушку странную, с ноги на ногу переминающуюся, подпрыгивающую и дном оземь постукивающую. «Трулкоры», – понял Ерёма, и сделал три простирания.

Из избы вышла крепкая молодая женщина, почти нагая – лишь украшения из золота, костей и камней на ней. Ерёма опешил слегка, но решил, что простирания лишними не бывают, и сделал еще пяток. Увидев смущение на лице пришедшего, леди Яга подошла к огромному деревянному стакану, рядом с которым стояла метла, и залезла в него. И уже оттуда вела весь дальнейший разговор.

– Здравствуй, уважаемая! Позволь просить тебя о практике! Дай балабольствий мне указующих, да люлей знатных!

– Скажешь тоже, люлей, – ответила Яги. Я старая женщина в районе сорока пяти, живу тихо в лесу в своей избе – избавляюсь от привязанностей, общения избегая. Ягоды вот ем да полынь вдыхаю. Какие еще люли? Это тебе к Кощею или лучше к Змею Гарудычу – они порой знатно раздают. Кошей, правда, и побалаболить не прочь – но не с кем ему – молодежь не понимает, а ровесники уже в чистые земли давно перебрались, на юга.

Ерёма начал догадываться, почему некиней кличут Ягу. И почему со злости старухой называют. Но не поддался на мысли недобрые, и взмолился пуще прежнего, простирания возобновив.

– Принимаю, – говорит, – защиту в тебе, Ягурушка, в Избе твоей без корней, в Стаканюге твоём, силой преисполненном.

– Не избежь, похоже, балабольств, – пробулькала Яги из стакана. Ладно, дам тебе расклад – что да как тут у меня, и практику расскажу, как делать.

Сделав на всякий случай еще три приседа с ку и, размяв тем самым тэбээсы свои, Ерёма уселся пред дакини на землю в полный лотос, положив, как положено, правую ногу поверх левой, а руки в жесте медитации сложил. Приготовился, стало быть, испить эликсир знаний и, если понадобится, грызть стакан науки Ягиной.

Яги забрала часть волос в хвост на макушке, остальные оставив распущенными (Ерёма знал, что каждый жест что-то значит, но спросить не решился), и начала своё балабольствие с общих понятий.

– Значит так, – сказала Яги. Как уже пояснила тебе, изба моя ногатая – символ непривязанности, в первую очередь к местам родным. Коли чувствую, что врастаю корнями где, иду, куда избуха несёт. В том свобода моя чудить да чодить.

– А в чем разница? – поинтересовался юный крестонгоец.

– Неважно, избы у тебя такой всё равно нет, Яснолох. Да и балаболия это больно длинная. Короче, это моё личное, оставим. Слухай далее. Там, где изба моя, там и затвор у меня –

ретрит по-научному. Но знаю, когда-то и от избы избавиться придётся – всему своё временно. А стакан этот – не стакан вовсе, а ступа. Во-первых, балаболить из неё удобно. Во-вторых, ступа – символ просветлённого ума. В данном случае символ устойчивости в безопорности (если в пространстве, кхе-кхе, в ней зависнуть) и перемалывания неведения. А кто пест – знаешь?

– Кто кто? – засмутился молодец.

– Пест. То, что молет эти самые неведения. Тот, кто в ступе, тот и пест. Так-то. Залезешь ко мне сюды – помолоть немного?

– Не, я это, послушал бы лучше еще. Не всё еще понятно настолько, чтоб прям пестом лезть, – замаялся в лотосе Ерёма.

– Ладно-ладно, прошёл проверку ты мою, Пустопест, – вздохнула Яга. Дальше слушай. Метла моя – знак выметания омрачений. Выметания, понимаешь? А не вот эти твои отжимания.., всю землянику мне подавил. Внимаешь пока?

– Ну, так-то да – уклад я твой и смысл бытофории понял, но практика-то где? Воздай, Ягунья, более чётких балабольств!

– Более чётких? Ишь ты! Более чёткие – только упадёши однословные от летитбирующих юродивых, но ты, слухи ходят, их не ухватываешь. Ладно, может, сплетни это – про меня тоже за спиной всякое талдычут. Слушай же про практику мою тайную.

Есть два способа. В обоих тебе нужно меня вообразить живо и ясно. В одном случае – над собой, в другом – представить, что ты и есть я. Есть еще вариант, где я с Кошеем, но тебе рано. В общем, я в супе, то есть в ступе в пространстве чистого неба, в руках метла, коей выметающие движения вытворяю. Начать надо с того, что громко произнести «я» и мгновенно представить то, что сказала. А дальше заклинание нараспев, бубнением или шепотом повторяй многократно. Заклинание такое:

ом баба яги я ду дай сваха.

– Звучит грозно. А покороче нет? – спросил Ерёма.

– Покороче нет. Из мантры слог не выкинешь – каждый слог свой смысл имеет. Сейчас поведаю.

Ом – начало, открытие заклинанья. Положено так. Баба – сила, а заодно вежливое обращение к дакини. Яги – имя дакини, которой практику делаешь. Я – слог-источник, который в центре себя представляешь. Ду – мгновенное действие, активность. Дай – первое слово (дети его первым часто произносят), призывающее желаемое. Сваха – завершение заклинания, а заодно почитание сущности, соединяющей противоположности. Понял? Запомнил?

– Ну, вроде.

– Хорошо. Если представляешь меня над собой, то, пока заклинание твердишь, видь, как из ступы радужный отвар через край переливается, по метле стекает и тебя через маковку заполняет. Сила ясности и пустоты в тебя, стало быть, вливается.

Коли себя мной представляешь, то представь, что буквы заклинания вращаются по кольцу вокруг «я» в твоём центре или по ободу ступы. Заклинание бормочи блаженно и вращение это созерцай, как живое. Вот такое моё тебе балабольствие. Это и есть настоящая тантра-шамантра, друг мой. Ну, еще уметь держать прану между.

– Между чем? – не понял Ерёма, аккуратно меняя правый лотос на левый, ибо мочи терпеть уже не было – не ожидал он столь развернутых балабольствий.

– Хоспадя, и таких безграмотных приходится в ягнята принимать, – вздохнула баба. Просто между, посреди. Кто-нибудь другой потом объяснит.

– А я вообще-то думал, тантра-шамантра это...

– Ой, знаю я, что вы, недоросли городские, про тантру думаете, – не дала договорить ему Яги. Мысли ваши все про то, что у меня украшениями символическими не прикрыто.

Хотючки ваши так припудриваете да маскируете под истинный ведьминский путь. Тьфу! Гарудыча на вас нет.

– Понял тебя, Ягушка, не кипятись! А вот вопросец еще имею. Вот эту вот букву «я», ты сказала, в центре надо представлять да чувствовать. А где он, центр-то?

– Центр в точке, равноудалённой от краёв, конечно. Геометрию не учил что ли?

– Так краёв же тоже не видать, не найти! Где они, края-то, донья Ягина?

– Не найти, да...

– Так где тогда центр мой?

– Получается, что нигде. Или везде. Там же, где края.

– А где ж тогда это «я» представлять?

– Вот там и представляй. Главное, представляй его ясно и ярко, смещая туда всю свою живость. А не блёкло да со стороны, иначе б слог был не «я», а «ты» или «он», например.

– Сложна практика твоя, баба.

– Так сам балабольствий просил.

– Это да. А вот из двух способов – «Яги над» и «Яги – я» – какой лучше?

– Ну, ты даешь, Недопуст! Лучше? Никакой.

– А какой тогда делать-то?

– Вот его и делай, сынок, вот его и делай!

– А ну, пестуй! – выкрикнула вдруг Яги Кхандро свой последний наказ и, взмыв в ступе своей в небо, полетела куда-то на юг. За ней, ломая кусты и мелкие деревья, понеслась избёха-паркурица – возможно, последние слова касались и её.

Ерёма расплёл вконец онемевшие ноги, привалился спиной к дереву и крепко задумался.

– Да, тернист поиск. И балабольства тайные так сразу не переварить. Но попробую стяжать, как Ягини велела – а ну как получится чего. Еще прана эта между, чтоб её. И избёнки затворной у меня нет такой... Эх...

В ногах тепло покалывало, спина тоже расслабилась, и Ерёма начал задрёмывать. И снилось ему, что он пест. И что пестует он не через леса и горы, а себя. А потом и в глубокий сон провалился – об ни о чём. «Я» как раз там центрилось бескрайне. Но об этом уже ни слова не будем – и так разбалаболились, как бы особых посвящений непрошенных не получить.

Продолжение воспоследует. Как отвар радужный переварится.

Предстоят еще Ерёме встречи удивительные, но о том пока только автору известно. А пока лежит себе Ерёня, к дереву привалясь, услышанное обдрёмывает. И ты, читатель, понятое с непонятым обдремай крепко – оно и легче станет.

Ко всем упомянутым практикам, представленным героями, автор относится с глубочайшим – оттого и упоминает. Остальное – вопрос стиля. Не сердчайте, если вдругчо. А если вдруг ничаво не поняли, не кручиньтесь – ведьму толковую найдите, она пояснит.

#анупестуй

Цеванг Кощей

То ли мало времени прошло, то ли немало с тех пор, как начал пестовать Ерёма по балабольствиям Ягиным. Но да пришла пора ему дальше в путь, иссебятине посвященный, двинуться. Те самые языки добрые с трепетом упоминали среди прочих свершившихся юного старца Кощей. Да и Яги Кхандро не раз про него молвила – это ли не знак?

Отправился Ерёма к нему, одному из величайших, в надежде выхватить уже люлей знатных. Да и от балабольствий проясняющих не отказался бы. Не всё дакини-ягодка, похоже, раскрыла до конца. И идти-то недалеко было – что тоже на руку пришлось.

Обойдя лес против часовой стрелки, дошёл Ясносвет до горы высокой. В горе той пещера со входом чёрным мерцающим, по форме на большое яйцо похожим. Рядом со входом на камне надпись высечена русским по крепкому:

«Шри Вд ЦК».

– Шри Видьядхара Цеванг Кощей, – прошептал Ерёма, ощутив бег мурашек и дрожь подколенную. Но, вспомнив наказ Ягий «а ну, пестуй», сел он в совершенную позу лотоса и стал ждать. Через несколько минут стало тянуть колено. Пересел он тогда в не менее совершенную «совершенную» позу, пятку на пятку возложив. Минут через пятнадцать отдалась лодыжка нижняя. Расплёл тогда Ерёма ноги и сел в совершенную «удобную» позу – «сукхасану» по-тамошнему. И только через час, когда уже совершенно устала спина, привалился Ерёма к дереву – опыт, благо, имелся. И начал было задрёмывать. Вот тогда-то и вышел Кощей из тёмной затворнической пещеры своей. На вид лет двадцати. В одной набедренной повязке, тонкая длинная талия, кожа и глаза светятся, через плечо пояс для медитации переброшен.

– Чего тебе, мужик? – обратился он к Ерёме.

– Да вот, пришел люлей получать да балабольствий, – ответил Ерёма.

– Ну, даёшь. От хозяйства людей отвлекаешь, просишь не пойми чего. Ступай отсюда.

– Не смею ступать, – сделав почему-то ударение на «у», занял Ерёма, вставая. Яги Кхандро о тебе говорила. Да и вообще – надо мне. Кто, если не ты?

– Так ты от Яги. Зря ты эту бхусуку послушал, и через лес ко мне поперся – я уж давно не балаболю с кем попало. Тем паче люлей не раздаю – хлопотно больно. Мне хлопотно, другим больно.

– Зачем ты так о Кхандро? Совсем она не эта... Добрая она ведьма! Мне вот многое пояснила, на путь пестования наставила.

– Ты про «бхусуку» что ли? Так это значит «практикующий без определённого места жительства». Ничего обидного. Наоборот, почётно.

– Не знал, – подивился Ерёма.

– Знал, не знал – иди уже. Дай спокойно на солнышке кости старые погреть, – с досадой проворчал Кощей.

– Грей, конечно! А я посижу тут с тобой немного, пока греешься, хорошо? Ну и так, может побалаболишь со мной чутка заодно, – с надеждой попросил юнца Ерёма. Меня, кстати, Ерёма Ясносвет звать.

– Не буду я тебя никуда звать, Угрёма. Посиди немного и восвояси угрёмывай.

– Да я б с радостью в восвоясю эту у... ушёл бы, – ответил Ясносвет. Но именно её (или его) и ищу – своясю, себя то есть. И истину заодно – говорят, кто одно найдёт, тот и другое тоже узнаёт.

– Да, Яснодел, неслабо тебя накрутило, – вздохнул Кощей. Ты после того, как своясю найдешь, еще сходи туды, не знаю куды, принеси то, не знаю что. Так, до кучи – вдруг пригодится. Развеешься, опять же.

– Схожу, чего не сходить? – улыбнулся Ерёма.

– Ага, только, когда своясю найдешь, проверь, не в том же ли месте она была, что и «не знаю куда», и не она же как раз – «не знаю что», – подмигнул Кошей.

– Проверю, – Ерёма по привычке пропустил мимо ушей скрытую в простых словах упадёшу. Слушай, Кошей, а как ты вообще в этом месте оказался, если не секрет? – в надежде получить всё-таки, зашёл издалека Ерёма.

– А, трындений хочешь о линии передачи? – сразу раскусил хитрость Ерёмину видьядхара. Ладно, парень ты неплохой, кажется. Расскажу о себе немного.

Кошей ненадолго задумался и затем продолжил.

– Сразу признаюсь, очень мне повезло, ченно-ченно. Я родился в Стране Гаруды, в самый период её расцвета.

– А кто такая гаруда? – спросил Ерёма.

– Гаруда – это существо, некоторыми чертами похожее на птицу. Оно особенное. Рождается, точнее, проявляется оно, как птица, из яйца. Но не птенцом, а сразу во всём взрослом совершенстве – сразу может лететь на невиданные расстояния, сияя мощью своей. Вся нечисть его боится, а всех доблестных иссебятников под крыло Гаруда берёт.

– А Змей Гарудыч, которым Яги пугала, кто такой? – с опаской спросил Ерёма.

– Так это тварищ мой змееголовый. Он раньше нечистью был, но Гаруда его усмирил, люлей наизнатнейших дал и на путь служения иссебятникам поставил. Гарудыч сам теперь практикует понемногу, а в свободное от затворов время мне по хозяйству пособляет. Но я его особо не тревожу, угол ему в пещере выделил вот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.